

— Никита Сергеевич, что привело вас на творческую землю в дни фестиваля? Каков, ваш интерес человеческий и профессиональный к актерской проблеме?

— Для меня присутствие на этом фестивале достаточно естественно. Меня приглашали и раньше на фестивали в Тверь, но, к сожалению, был в отъезде. Поэтому, прилетев сегодня из Италии в Москву, сразу с самолета, не заезжая домой, поспешил сюда. Интересно посмотреть, как меняются, если меняются, уровень актерского ремесла у нас. Посмотреть на молодых и почитать друзей — основные мои желания.

— Какое ваше ощущение от состояния актерской профессии на сегодня?

— Состояние актерского ремесла плачевно. При наличии лучшей актерской школы мы, общество в целом, находимся сегодня у той критической черты, которая отнимает у людей волю жить. Угнетает бесправие актеров. Панацеи единой нет. Одна проблема кормит другую. Здесь приходится констатировать и низкий уровень драматургического материала, режиссуры, и потогонную систему театральную, при которой одних актеров эксплуатируют как лошадей и загоняют, как Юру Богатырева. А другие актеры балластом сидят на шее академических театров. Невозможно, допустим, помочь экономике, не помогая культуре. Это существует во взаимной связи. И либо все вместе процветает, либо вместе — тонет. Невозможно представить эти процессы порознь. Какая-то безысходность во всем этом есть: в жизни актеров, да и вообще в жизни. Это чувство рождается от полновечности принимаемых мер: одно отняли, другое не дали. Мы занимаемся мародерством. Срываем награды с трупов. В этом нет живой силы, которая может принести пользу обществу.

Плюрализм понимается как вседозволенность, как способ нахамить начальнику, только потому что он начальник... И выяснения отношений, на которые тратится огромное количество бумаги, времени и средств, — тоже удручает. Поэтому я считаю, в это смутное время очень важно любому художнику удержаться на своей дорожке, не соблазняться на предлагаемые асфальтированные трассы, ведущие к деньгам или славе сегодняшней. Жить своей жизнью. Чем громче вокруг ситуация, тем больше мне хочется замкнуться. Вот такое мое человеческое ощущение. Я не верю в коллективное прозрение.

— Я помню ваше выступление на V съезде, вызвавшее бурю негодования у части делегатов. Тогда для меня, по крайней мере, было абсолютно ясно, к чему приведет крайний экстремизм в суждениях отдельных коллег — кинематографистов. И как бы ни хотелось, но приходится признать, что эти прогнозы сбылись.

— Во всяком случае, я ни от одного своего слова на V съезде не отказываюсь. И к сожалению обществу, и к эгоистичному своему удовлетворению я вижу, что как бы ни хотели мои коллеги, чтобы я тогда был не прав, оказалось, что мои слова подтверждаются.

— Значит ваше индивидуальное прозрение оказалось действительно пророческим. Вы не побоялись пойти против течения, смогли взглянуть на ситуацию извне. Как вы смотрите на перспективу зарождения новых общественных структур в среде кинематографистов: создание галлий, студий и т.д.?

— Знаете, есть чемпионат мира по бегу. А есть чемпионат мира по бегу в мешках. Вот мы все время занимаемся бегом в мешках. Мы почему-то все время отказываемся использовать богатейший международный опыт, а выдумываем нечто свое и надеемся, что от переименования, например, Министрства сельского хозяйства в Госагропром у нас появится колбаса. Мы меняем название одной организации на другую и надеемся, что это принесет нам какие-то плоды. А дело,

мне кажется, в другом. В жизни человеческого общества существуют периоды расцвета и упадка. Наверное, мы находимся на том "пике вниз", когда нужно дойти до дна, чтобы оттолкнувшись ногами от этого дна, пойти вверх. У нас не хватает мужества признать, что в государственном устройстве была совершена катастрофическая ошибка. Мы постоянно убеждаем себя, что будем строить социализм, но с другим лицом. Правда, никто не знает, что это за лицо. По крайней мере, то, что мы видели на протяжении нескольких десятилетий, это не лицо, это мурло какое-то, это бесправие, это — бескультурие, это нищета, воспитание в людях полного обезличивания. Был воспитан целый менталитет в людях, которые считают абсолютно серьезно, что лучше жить всем одинаково плохо, чем по-разному — хорошо. Это же ненормально, нездорово, болезненно. Хотя, если быть объективным, сознание меняется, но с большим трудом. Трудно себе представить два года назад такие дебаты, которые идут на съезде. Другое дело, насколько они продуктивны. Но я ловлю себя на мысли, что не мог еще вчера представить, что смогу увидеть по телевидению такое! Но кроме того чтобы говорить "нет", надо ведь что-то и создавать.

В России всегда был свой путь. Но нам постоянно предлагают: если вы будете себя плохо вести — у нас будет сталинизм, а если хорошо — английская демократия. Это же неправда. В России никогда не будет английской демократии. И она не нужна России.

Во всем мире всегда существует некий средний класс, который балансирует жизнь в стране. Это бюргеры, буржуа (не важно как называть), в России этим классом являлось купечество. Этот средний класс всегда балансирует температуру в обществе: не дает особенно уйти ни вправо, ни влево.

Мне часто на встречах со зрителями задают один вопрос: как я отношусь к Паратову из "Бесприданницы"? Я отношусь положительно, имея в виду класс людей, которые сделали сами себя. Паратов и такие, как он — двигатели русского общества. Что мы знаем о русском купечестве? В наше сознание годами вдалбливалось стереотипное представление о купечестве, как о темном, невежественном, злом, как впрочем и о кулаке. А что такое кулак — это крестьянин, который много работает, а не держиморда какая-то. Бывали среди них, конечно, и такие, но как исключение. Было в купечестве то, что мы сегодня не имеем — национальная гордость за плоды своего труда, милосердие, меценатство.

Мог ли возникнуть Сталин в другой стране? Нет. Он возник потому, что заполнил вакуум в монархическом сознании народа, вместо отнятой веры, вместо христианства. Демократия была в русском храме. Перед заповедью были все равны: и царь, и нищий. Другое дело, что из храма царь уезжал на карете, а нищий стоял на паперти с протянутой рукой...

Мы добились на сегодняшний день того, что в мире безумно бояться революции. Мы запугали целый мир так, что если возникает какая-то опасность слева, ее тут же или сглаживают, или подавляют. Но, как правило, сглаживают. Мы в течение десятилетий являли собой пример того, как жить нельзя. Мы пугало. Но сделать из огромной державы полигон для социальных экспериментов — это трагедия. Сколько же можно экспериментировать на этой стране!

А хотят ли этого люди? Давайте спросим. Почему с такой яростью разрушают сегодня все построенное в Восточной Европе, сжигая, круша памятники Ленина, расстреливают генерального секретаря правящей партии братской страны как собаку... Значит что-то в этом есть? Что-то не так! Это касается и Прибалтики. Я не хочу влезать по этому поводу в полити-

ческие дебаты. Если люди глубоко убеждены, что так, как жили, жить не хотят — нужно к их голосу прислушиваться. Другой разговор: как они хотят жить. Какая-то должна быть система расчетов. Когда вы пожили в гостинице, уходя надо расплатиться. Сказать: "спасибо". Если что-то сломал — оплатить, если что-то стащил — вернуть или пойти под суд. Но это должно быть по-человечески сделано. Почему Прибалтика хочет выйти? Да потому, что жив менталитет людей, которые знают, что такое другая жизнь. Мы ее не знаем. У нас за спиной 70 лет. У них — 40. Там еще живы люди, которые помнят, что такое рыночные отношения, свобода слова. А мы отметили тысячу лет христианства на Руси, и все еще учимся демократии! Пети трофимовы. Страна из петей трофимовых. Учимся. Вечные студенты! И экспериментируем.

Кто еще живет хуже русского человека на своей земле? Подмосквовые — это катастрофа. В 30 километрах от Москвы — разруха. А Москва во что превращена! Я не хочу выглядеть наслаждающимся своим голосом и смелостью, как на трибуне съезда: вот какой я храбрый — этому дам в морду, этому в лоб... Эти извечные два русских вопроса: "Кто виноват?" и "Что делать?"

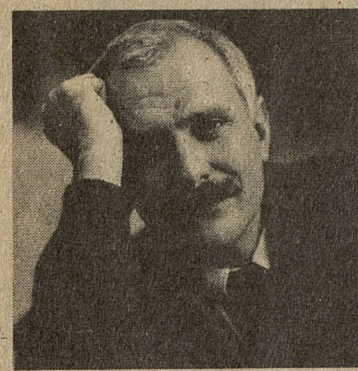
На V съезде, когда первый и последний раз сидел в президиуме, то видел, как министр вышел к трибуне и все начали свистеть и топтать ногами, причесав при этом за спинами впереди сидящих. А когда шесть лет назад в кабинете бывшего заместителя министра кинематографии "товарища" Павленка я не подал ему публично руки, — мне было страшно. Я сказал ему, что объявляю войну и буду вести ее всеми методами, которые не обозначены в уголовном кодексе РСФСР. Это было сказано зам. министра, а не пенсионеру. И после этого я съел огромную ложку всего того, чего есть не стоило. А когда его можно было ругать и его стали дергать за ноги, как повешенного, мне захотелось его защищать.

Не метод, не образ жизни для художника — стадность. Когда можно — мы говорим, когда нельзя — промолчим. Мы теперь все скажем: и не изберем делегатом съезда советских кинематографистов Бондарчука за то, что ему все можно было, а нам — ничего. Ну и чего добились? Горько, когда вся энергия перестройки превращается в такую гаденькую игру. Как не избрать человека, который снял "Войну и мир", "Они сражались за Родину", "Судьба человека", "Ватерлоо" делегатом съезда советских кинематографистов, человека, который вошел в мировую историю кино. Не избрать — значит дискредитировать вообще все, что называется новыми временами. Это несерьезно. Мне скучно с такими людьми! Мне не о чем с ними разговаривать. Они воспринимают демократию как возможность назвать начальника дураком только потому, что он начальник. Для таких людей вы сегодня не в почете, если ваш фильм не лежал на полке.

Я не сделал ни одной картины ни для Брежнева, ни для Черненко, ни для кого, чтобы понравиться. У меня около 60 международных наград и ни одной — от своего Отечества. Может оно и к лучшему. Возвращать не надо будет... Но эти бабочки вечерние, которые просятся когда темно, которые так замечательно могут обсуждать, ругать и купаться в своем несчастье — ведь это такое наслаждение для них... Дай ему то, что он хочет и он расстроится, потеряет энергию жизни. А его жизнь — это жизнь страдальца. При этом таких людей — не один и не пять: это целая категория, класс. Если появляется в этой атмосфере человек со здоровыми зубами, который может выпить стакан водки и не упасть под стол — он — чужой, потому что здоров.

— Никита Сергеевич, еще задолго до "Маленькой Веры" во времена более суровые одним из

первых вы в остроготесковой форме сказали истину о нашем трагическом положении. Я имею в виду фильм "Родня". Тогда, помнится, вам досталось крепко: начиная от парткома "Мосфильма" и заканчивая министром кинематографии. Число претензий со стороны властей не было конца. Тогда время было не на вашей стороне. Сегодня ситуация в стране подтвердила вашу правоту. Но и теперь в период демократии мы слышим те же обвинения и нападки на такого же рода фильмы. Значит крепко в сознании людей сидит стереотип образа "врага" социализма, которым в разное время крестили наиболее честных и смелых художников.



творческом семья? Как повлияла на вас семейная традиция?

— Семейную традицию я понимаю как осознание принадлежности к своим корням. Чем дальше, глубже в прошлое можешь проследить эти корни, тем сильнее традиции. Род Михалковых уходит в глубь российской истории. Первое упоминание относится к XIV веку. Были в роду и монахи, и воины. Двое из предков участвовали в битве на Куликовом поле в 1380 году. Больше было воевод. Очевидно от своих предков — воевод — я унаследовал вкус к состязанию, азарт. Один из предков был постельничим при дворе первого царя из династии Романовых. По ма-

НИКИТА И все-таки

— На "Маленькую Веру" набрасываются за известную сцену, считая, что это стыд и позор. Я считаю картину хорошей с точки зрения мастерства. Но некоторых раздражила правда о нас. В редакцию программы "Иллюзион", ведущим которой я являюсь, на Центральное телевидение поступает много писем с жалобами на этот и подобные ему фильмы. Но не фильмы виноваты в том, что наши дети такие. Просто очень удобно свалить все грехи общества на кинематограф. Надо искать проблему не в кинематографе (он лишь отражение жизни), а в самой жизни.

Сегодняшняя тенденция — все можно. Взять камеру, пойти на улицу, снять фильм и станешь очень известным человеком. Ничего придумывать не надо: проблемы на каждом шагу. Но мне не интересно делать кино про то, что я не люблю. Здоровый импульс — извечное триединство — вера, надежда, любовь — условие, особенно необходимое для русского художника. Последние же годы талантливыми считаются те, кто говорит "нет". Но что же это за общество, в котором только тот в почете, кто может говорить "нет"? У Тютчева ничего отрицательного в поэзии не было. Я очень уважаю и люблю Высоцкого. Но не считаю, что он гениальный. Пушкин — гениальный. А у нас и Пушкин, и Высоцкий оба гении. Это к вопросу о критериях.

Не хотелось бы, дойдя до дна, закончить кровью. Линкольн сказал: "Можно обманывать одну или другую часть народа, но нельзя обманывать весь народ постоянно". Я искренне понимаю трагизм положения нашего президента. Ленину понадобилось две недели после введения НЭПа, чтобы заполнить прилавки магазинов. А мы пять лет бьемся и ничего не можем изменить, так как нет уже людей, кто бы знал, как вести хозяйство, торговать...

Вперед идти — страшно. Назад — нельзя. Стоять на месте изувеченными — больно. Если только расквашивать нашу лодку отрицая, можно прийти к полному отрицанию надежды. Надежду может принести лишь взвешенное осмысление происходящего.

Равенство и равноправие — не одно и то же. Равноправие достигается эволюционным путем. "Много званных, но мало избранных" — из Евангелия означает не элитарность положения одних перед другими изначально. Возможности у всех должны быть равные. Другое дело — как кто сможет в силу личных способностей воспользоваться этой возможностью.

— Но отравляющая точка отсчета у всех людей различна друг от друга. Помогла ли в вашем становлении личностном,

теринской линии корни Суриковых-Кончаловских уходят в польские земли... Я очень благодарен брату, который оказал на меня большое влияние, но не напрямую, а опосредованно, при этом не подавляя индивидуальности.

— Никита Сергеевич, события последних месяцев в Восточной Европе, да и у нас в стране так стремительно ломают наши стереотипные представления, что это позволяет мне задать следующий вопрос: что бы вы сделали в первую очередь, окажись на посту президента страны? Подобные прецеденты, когда представители творческой интеллигенции участвуют в политической жизни общества, занимают ответственные посты в руководстве страны, как, например, президент Чехословакии — драматург Гавел или член польского Сейма — кинорежиссер Вайда — блестящие тому подтверждения.

— Сейчас я не готов, но через 5-7 лет я бы подумал. Очевидно, невозможно что-то изменить при существующей политической системе, занимаясь управлением "отдельных недостатков": давайте оставим все как есть, а будем заниматься экономикой. Как невозможно что-либо изменить, сначала бросив все силы на обеспечение продуктами народа, забыв о культуре. Это должно развиться и существовать единой волной. Так же как невозможно сегодня строить только жилье, а завтра — восстанавливать церкви. Мы стали замечательной машиной, которой легко управлять.

Китайцы, которые пошли по тому же пути ошибочных представлений о законах развития общества, истребили воробьев, которые съедают, как им казалось, много зерен. В течение нескольких часов весь миллионный Китай шумел, стрелял, чтобы воробы не могли сесть и они падали мертвыми. И пришла саранча. И пришла как-то мошка. И пришли козявки. И съели урожай. Ой! Давайте воробьев обратно. За валюту. Эта история с воробьями очень напоминает во многом нашу историю. Все в живом мире должно развиваться гармонично. Хотя, кто, какой идиот скажет обратное. Слова. Слова. Слова. Что делать? Не знаю. Я не экономист, не политик. Но мне думается, первое, что надо сделать: очень трезво оценить произошедшее. И может быть, превозмогая сопротивление, боль и печаль, признать, что мы все-таки шли не по тому пути, по которому хотелось бы.

Я не знаю, возможно это или нет (наверное, услышав такое, Николай Иванович Рыжков решил бы: совсем сошли с ума деятели культуры), но один русский экономист-эмигрант предложил любопытную идею

конвертируемости рубля: все, что мы продаем за рубеж, продавать только на рубли. Это звучит как анекдот, но что-то соблазнительное в этом есть...

Мне кажется, Россия сегодня находится в состоянии ожидания ощутить к себе хоть какой-то интерес. Если этот интерес не возникнет, то я боюсь, мы окажемся опять в ситуации отсутствия воли жить. То, во что превращено Подмосковье — это и есть отсутствие воли жить. Никто себя не чувствует хозяином. Несколько лет назад проезжая по Волге в поисках натуры к фильму "Дмитрий Донской", я встретил на краю бесхозного поля старичка и спросил: «Дедушка, а что та-

можно совершить, а можно не совершить; можно пойти, а можно не пойти — остаться, можно сказать, а можно промолчать. Я мечтаю с одними и теми же актерами сделать триптих пьес Чехова с Мاستройни в главной роли, притом, что на Западе он будет играть по-русски вместе с русскими актерами. И запустить их в годовое турне по миру: Нью-Йорк, Токио, Бомбей...

Единственная страна, в которой я, лично разговаривая с актерами, всегда терялся от обиды, — это Россия. Потому что такого богатства я нигде не видел. Только общаясь с итальянскими актерами в работе, я понял, насколько мы расточи-

для Толстого, для Чехова... Другое дело, что не может быть догмы: самое лучшее русские художники создавали в России. Николай Васильевич Гоголь писал лучшие главы своей гениальной поэмы "Мертвые души" в Риме в кафе "Эль Греко" и от этого не перестал быть русским писателем. И это действовало на развитие континентального иммунитета. Европейский дом был в XIX веке, так как существовала традиция преемственности. Тургенев не стал менее русским писателем, прожив полжизни во Франции. А Пушкин всю жизнь мечтал посмотреть мир, и ни разу нигде не был (будучи в Петербурге написал: "А там на севере в Париже").

Во многом причину размежевания народа и интеллигенции следует искать в деятельности Петра I: одних отправлял учиться в Голландию, а другим не объяснял, почему нужно кофе утром пить, а не водку, и брил бороды. И оттуда возникло уважение не к персоне, а к месту, которое она занимает. И оттуда возникло наслаждение и создание идола, для того чтобы потом с большим наслаждением его растоптать. Ибо места занимали по назначению, а не по призванию. И вина Петра и всех за ним идущих в том, что они пытались увидеть результаты своего труда при своей жизни, что в такой стране, как Россия — немислимо. Русскому человеку не свобода нужна, а отсутствие неволи. Это разные вещи. Русский человек понимает свободу как бунт, как вседозволенность. Отчего идет все негативное, отрицательное? От того, что человек связан. Его отпусти, и он создаст себе трудности сам и потом их героически станет преодолевать. Он живет только из сопротивления. Для русского это принципиально важно. И никакая демократия ему не нужна. Сейчас идет "колебание умов, ни в чем не твердых" (Грибоедов) — острое и бессознательное. Происходит раскачивание маятника, который мешает той стабильности, которая необходима для сегодняшней ситуации.

— **Левые и правые раскачивают корабль. Нужен центр, вы хотите сказать...**

— Совершенно верно. Но мои суждения очень категоричны. Поэтому я не стану их высказывать. Столыпин — гениальный человек, который практически выводил страну из кризиса именно фермерским хозяйством, ставкой на кулака, на работающего крестьянина. Если бы Сталиным не был закрыт НЭП, не было бы войны. Я глубоко в этом убежден. Потому, что к сороковому году мы обладали бы такой экономической мощью достаточно сытых людей, занимающихся своей жизнью в демократических условиях. Было бы другое распределение сил. Сталинизм рухнул бы без войны в тридцатые годы. Война как общенародный катаклизм вновь сплотила вокруг монархического менталитета, поэтому Сталин дожил до 53 года "вождем всех народов". То есть так складывалась история, что она выталкивала целый народ к принятию этих решений, а никаких других. И сейчас целые поколения людей, изуродованных советской идеологией, вообще не понимают, что происходит. И кроме ненависти к тому, что происходит, у них нет ничего. И их винить нельзя в этом. Люди всю жизнь привыкли верить в то, что этот строй неизбежен. Я глубоко убежден, что имперское самосознание рушится, унижение в своем самосознании народа достигло критической точки: уважения к себе нет никакого. И этим народом очень просто управлять. Можно завтра направить совершенно в противоположную сторону. И народ с наслаждением вырвет колья и пойдет крушить. И все-таки я верю в возрождение. Даже простая логика подсказывает, что не может это разрушение продолжаться бесконечно.

Интервью вела
Елена КАРАКОЛЕВА.

● ГОСТЬ ФЕСТИВАЛЯ

МИХАЛКОВ: я верю!

кое поле-то страшное?» А он и говорит: «Это твое поле? Это мое поле? Ну и иди себе...» Это показательно для сегодняшнего дня — отсутствие ощущения себя хозяином, отсутствие надежды: это земля, это поле принадлежит мне и будет принадлежать моим детям, моим внукам. Мы привыкли к тому, что кто-то за нас думает, кто-то решает, в результате человек теряет ощущение себя хозяином. Наше сознание изуродовано. Россия сегодня — это лежащий колосс; заставленный недостроенными промышленными "объектами", разрушенными церквями, с кошмарными дорогами, со страхом, который мы с трудом выдавливаем из себя по капле.

Самое пристальное внимание должно быть обращено внутрь себя. Я категорически против того, чтобы закрыться и заниматься только собой. Для того чтобы не вернулись прежние времена, нам необходим контакт с внешним миром, чтобы чувствовать себя частью планеты Земля, а не изолированным куском. Другое дело, что приобщаясь к внешнему миру, необходимо выработать свой национальный иммунитет. Я ничего не имею против массовой культуры, против рока и т. д. Но прежде, чем ребенок узнает это, он должен знать русские сказки и песни. Только при наличии корневой системы возможно развитие нации.

Я надеюсь, что когда-нибудь поставлю «Вишневый сад». По моему мнению, гениальная пьеса. Сейчас пересматриваю Чехова для себя и возникают совершенно противоположные акценты.

Что такое «Чайка»? Это трагедия людей, перешагнувших возможности своего дарования. Перешагнули право божественное, стали заниматься тем, на что нет призвания. Нина Заречная была бы замечательная девочка. Она стала бы матерью, кончила бы курсы. Нет: «Львы, крокодилы...» То есть, как только человек перешагивает через порог, когда надо нести ответственность талантам, если он не соответствует — рушится все: жизнь, взаимоотношения, все виноваты, трагедия возникает жуткая. Вся драматургия Чехова построена на запретной любви: я люблю — меня не любят, мы не можем любить друг друга, она любит, я не могу — женат. То есть когда смотришь на Чехова сейчас, когда отмечается трактовка МХАТа, ты вдруг начинаешь рассматривать индивидуально каждого и возникает абсолютно другое значение. Я мечтаю поставить «Иванова». Он сам про себя говорит: «Я взвалил на себя непосильную ношу — надорвался». Совершенно противоположная концепция обвинению среды, ибо у каждого человека есть выход:

тельны в отношении к своим великолепным актерам. Мы не представляем, не можем оценить, какое богатство актерское имеем у себя. Я надеюсь, организовать международную актерскую театральную академию, где преподавали бы Питер Брук, Стреллер, Олег Табаков, Андрон Кончаловский.

— **Сейчас, как в 20-е годы, наблюдается отток умов за рубеж. Покинули и продолжают покидать страну деятели культуры — наша интеллигенция. Что вы можете сказать по этому поводу?**

— Я буду сидеть в России до момента, пока меня не вышвырнут. Я буду держаться до последнего. Не зря же мы тащим за собой людей, вкладываем средства, чтобы обосноваться здесь. Просто у всего есть пределы. Такие усилия приходится преодолевать для того, чтобы добиться элементарного. Я два с половиной года провел в приемной Моссовета, чтобы для нашей студии дали здание. Выслушивал через третьих лиц недоброжелательное шипение: "Михалков дом захотел!". Проблемы безработицы у меня лично нет. Я абсолютно согласен с высказыванием о том, что "культура это ствол, который питает тебя, как дерево, которое должно питаться корнями из своей почвы, а ветвями обнимать мир". Но когда ты питаешься из своей почвы, а тебя обрубают, это все равно, что рождаешь детей от собственной дочери. Это вырождение. Это западная культура, которая начинает вырождаться. Я бы очень не хотел, чтобы это произошло у нас в России. Но только вынужденная ситуация, необходимость защиты своих детей может вынудить меня уехать из страны. Но в то же время я продолжаю совершенно сознательно пускать ростки новых начинаний именно здесь: с нашей студией, школой, театром, академией. И все-таки я верю в возрождение.

Ужасно, когда народ не знает своих корней. Но в тысячу раз более ужасно, когда существуют люди, которые даже не физически, а в мыслях могут заставить народ поверить в то, что это хорошо. Вот что страшное.

— **Но бог наделяет талантом независимо от режима.**

— С другой стороны, истинный талант и художественная жизнь возможны только в условиях несвободы. В Дании можно все — и там нет искусства. Искусство всегда сопротивление. Но нам в России-то этого не занимать. Всегда существует российское сомнение, российская крайность, которая и в лучшие-то времена была той самой силой, которая заставляла проявляться творчеству. Для Рублева это было его, для Достоевского — все его постулаты,